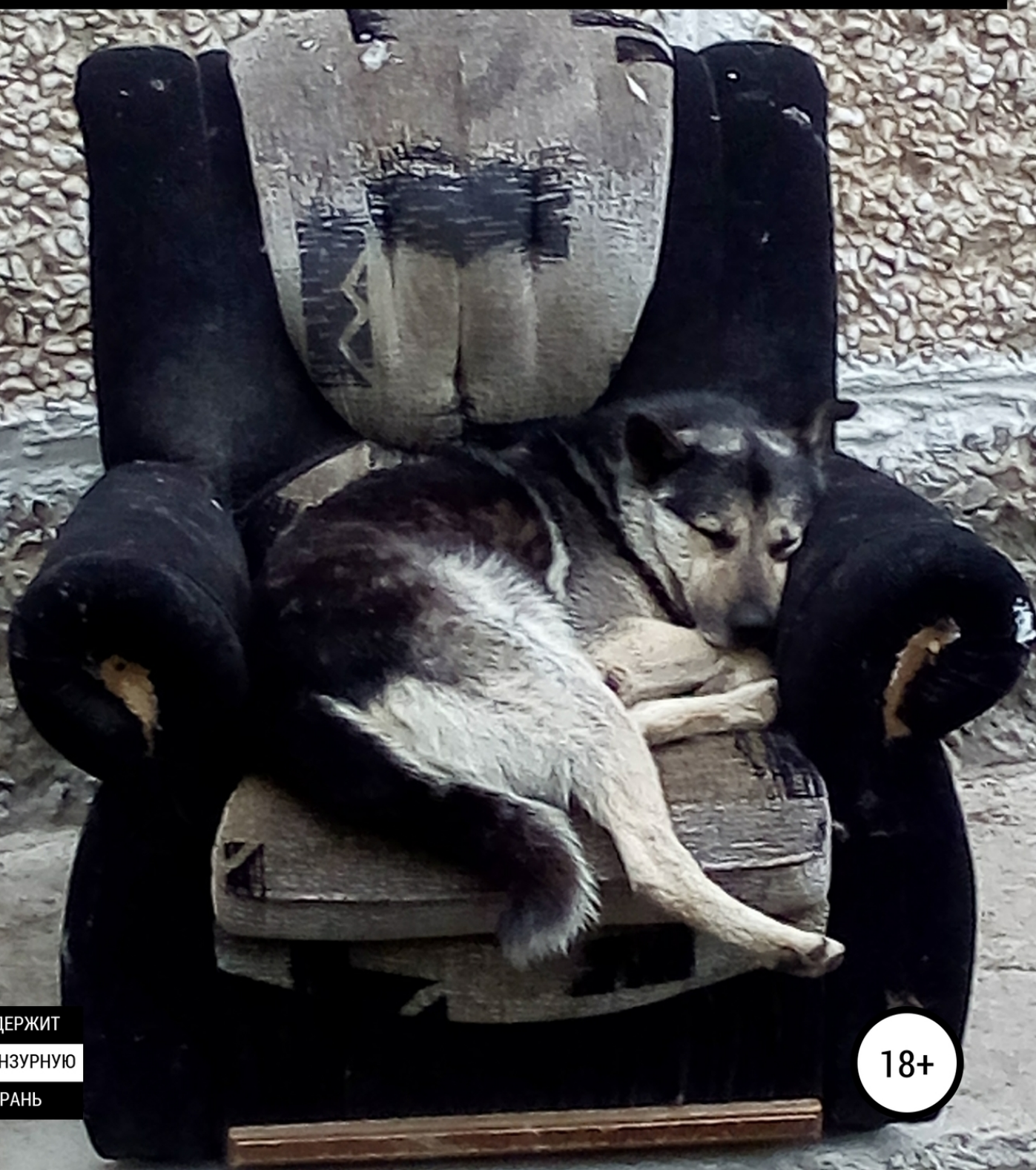

Разговоры с мёртвыми

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Денис Ядров

Денис Ядров

Разговоры с мёртвыми

«ЛитРес: Самиздат»

2007

Ядров Д.

Разговоры с мёртвыми / Д. Ядров — «ЛитРес: Самиздат», 2007

Он знает, чем он рискует. Он выбирает осенние дождливые ночи. Раскапывает могилы и говорит с мёртвыми. Он уверен, что может помочь им и знает как. Сначала он копает лопатой, а когда работать ей становится неудобно, выскребает землю руками. Человек, сошедший с ума от одиночества. Как ни странно, это роман о хрупком счастье прожитых мгновений и родных людях, которых надо ценить здесь и сейчас. Содержит нецензурную брань.

© Ядров Д., 2007

© ЛитРес: Самиздат, 2007

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава 1

*За замкнутым лицом человека –
пустое пространство,
холодный грот
со сталактитами и летучими мышами,
где бесконечный крик
борется с собственным эхом.*

*Мы – бессилие Бога,
Мы – его одиночество.*

Ханс Бёрли

Раньше меня волновало мнение окружающих, теперь – нет.

Раньше я старался одеться получше, потому что переживал, что обо мне подумают. Старался вести себя прилично, делать правильные поступки, быть не хуже других.

Заботился о том, чтобы выглядеть нормально в глазах посторонних людей. Родных как раз не стесняемся и часто предстаём перед ними в самом худшем свете. Это называется быть естественным.

При этом говорим, будто нам плевать на мнение остальных, однако продолжаем приспосабливаться к жизни в обществе.

Вначале наши предки сжигали мёртвых: сына Ярилы, объятого смертным сном, отдавали живущему в огне отцу. А потом стали отдавать мертвецов их матери, опуская в её ложе, то есть зарывая в землю.

Ацтеки же хоронили только знатных людей, утопленников, тех, кого настиг удар молнии, и женщин, которые умерли при родах. Остальных сжигали.

Для ацтеков жизнь была началом длительного пути, которое ведёт человека к подземному миру Миктлан.

Греки отправлялись в Аид.

А что смерть значит для меня?

Я сижу у гроба матери, последнего родного человека, который меня понимал, последнего кто, мог проникнуть в мою душу и согреть её своим теплом.

Друзья? Где они? У каждого свои заботы: работа, семья, у некоторых – дети. Другие ждут детей. Им не до меня.

Мы редко видимся, да и то когда встречаемся на улице. Как дела, что нового, как работа? Ясно, понятно. Ну ладно, мне пора. Заходи как-нибудь.

Есть такие, кто, как я, продолжают жить с родителями.

Мы паразитируем на том, что они заработали честным трудом.

Мы тоже редко видим друг друга. С тех пор как выросли, у нас осталось мало общих интересов.

Самый последний родной человек умер. У меня не укладывается в голове, что больше его не увижу. С кем ещё смогу поговорить откровенно? И кто будет встречать меня у двери?

Жениться? Думаете, чужой человек будет любить тебя как мать? Любить только за то, что ты есть, а не за красивое лицо, квартиру или деньги. Ничего взамен не требуя. Даже ответной любви.

Родные морщинки вокруг закрытых глаз, пальцы, сложенные на груди. Сердобольные старушки и задумчивые женщины.

В комнате запах смерти. Я знаю его. Уже не раз точно так же сидел у гроба. Сначала умер отец, потом – брат, теперь – мама.

У меня нет больше родственников. Да и были бы, что толку? Всё равно многочисленные дяди, тёти и двоюродные братья-сёстры не заменят самых близких людей.

Отец умер от сердечного приступа. Ему было пятьдесят три, мне – двадцать.

Было лето. В пятницу вечером отец поехал на дачу. Мы в эти выходные остались дома. Мама устроила грандиозную стирку, я с друзьями рванул на рыбалку, а брат к тому времени обзавёлся своей семьёй. И хотя они с женой то сходились, то расходились, но в родительский дом Паша никогда не возвращался.

А отец в те злополучные выходные не вернулся с дачи. Мы с мамой, конечно, волновались, когда он не приехал домой в воскресенье, но так бывало: с дачи в понедельник он сразу отправлялся на работу, так что причин для паники не было.

По-настоящему испугались, когда позвонил начальник отца и поинтересовался, куда исчез его подчинённый. Время было два часа дня. У мамы на то лето выпал отпуск, у меня как раз закончилась летняя практика.

Сразу после звонка маме стало плохо. Вечером она говорила, что у неё дурное предчувствие. Плохо спала и твердила: «Что-то случится».

На попутках я добрался до дачи родителей. Боялся опоздать. Оказалось, опоздал больше, чем на сутки.

В пять часов попал в дом: от трассы до дачного посёлка добирался пешком.

С порога в нос ударил запах разложения.

Отец лежал на стареньком диване. Левая рука свисала до пола, рот открыт, в глазах – безмятежность.

Помню, гроб отца стоял в комнате родителей. Пьяные мужики, длинные тени от штор, красный прямоугольник обивки на чёрном фоне.

Под гроб подставляют две табуретки, чтобы он находился на уровне колен тех, кто сидит рядом. Два цветка, четыре, шесть – обязательно парное число. Покойнику грустно в одиночестве.

Два глаза, две руки, две ноги – окоченевшее тело.

Главная трудность была в том, чтобы доставить отца в морг. Милиция везти отказалась, а «Скорая помощь» за двадцать километров от города вообще ехать не могла.

Как назло, наша машина сломалась, и я попросил соседа по даче отвезти труп на его «девятке».

Когда человек умирает, он становится намного весомей. В прямом смысле этого слова. Вчетвером мы еле донесли отца до машины. Суставы его не гнулись, поэтому запихнуть его в салон оказалось не так легко. Мы сняли заднее сидение и сидение рядом с водителем.

Дядя Боря ехал до самого города с открытыми окнами: так пахло в машине.

Я добирался до города с милицией. Мы показывали бедняге дорогу.

Тело отца поглотила пасть морга. В следующий раз я увидел его более радостным. Покойников принято наряжать в красивые одежды: деловой костюм и новая обувь, специально купленная по этому случаю. Праздник смерти и веселье.

В глубокой древности на Кавказе мёртвых или подвешивали к деревьям на подмостках, плотно укутав покойного, или клали его на вершины деревьев высоко от земли. Увидеть смерть должны все.

Похороны – это грязь. Застолье, которое начинается с траурных речей, но порой заканчивается песнями. Неужели человек был настолько плох, что на его похоронах хочется веселиться? Или, может, не был? А просто безразличен.

Безразличие – защитная реакция организма. Было жалко, было грустно, было просто неумоготу; щёлк – и стало легко. Стало всё равно. Зачем убиваться? Был человек, а теперь – нет.

Но ведь не песни же петь?

На похороны отца я не пошёл. Потом жалел об этом.

Папа долго их вспоминал.

В два часа ровно гроб вынесли из дома, погрузили в бортовую машину. Рядом с ним сели мама с братом и лучший друг отца дядя Костя. Всю дорогу до кладбища он кидал на асфальт пихтовые ветки. За траурной машиной тянулась зелёная колея. Деревья расплачивались за смерть человека, точно они в ней были виноваты.

В Египте фараонам в захоронение клали убитых по этому поводу слуг, жён и домашних животных. Одна смерть влечёт за собой другую.

Хороня покойника, люди всегда думали, что отправляют его на новое житьё, но гораздо хуже настоящего. Поэтому одевали покойного в самое лучшее и клали в могилу с ним всё, что ему было нужно при жизни. До сих пор посетители кладбища носят на могилы покормку.

В гробу у отца лежали искусственные цветы (живое – живым, мёртвое – мёртвым), золотой перстень с его инициалами, который невозможно было надеть на окоченевшие пальцы, часы – подарок моего деда на совершеннолетие отца, новый бритвенный станок «Gillette», который я подарил на день рождения, и папа так и не успел им воспользоваться.

После смерти отца я понял, насколько сильно его любил. Больше всех на свете любил отца и брата. Не думал об этом, пока они были живы, но остро почувствовал, как не хватает обоих, когда их не стало.

Гроб в могилу опускают четыре человека. Для этого используют две шестиметровые ленты из вафельной полотенежной ткани. Они продеваются под деревянным ящиком между табуреток, и с их помощью мертвеца поднимают над сиденьями и опускают в свежерыгнутую двухметровую яму. Ткань перекидывают через шею, и одной рукой человек медленно отпускает её меж пальцев, а другой поддерживает, страхуя, чтобы она не выскользнула из рук совсем.

Действия всех четырёх должны быть согласованы: одно неверное движение – деревянный ящик перекосятся, лента выскользнет из-под него, и гроб упадёт наземь.

В день похорон шёл дождь. Даже не дождь, а ливень.

Погода стала портиться с утра. В семь часов заморосило. Я сидел на кухне у открытого окна и смотрел, как асфальт на дороге покрывается мелкими крапинками. Воздух был холодный, как всегда по утрам, и густой: на расстоянии сотни метров ничего не было видно, кроме силуэтов домов, которые выросли прямо из тумана.

Где-то рядом дворник подметал мусор.

Под тремя слоями бетона надо мной возвышалось небо, а за тонкой стеной стоял деревянный ящик с отцом. Рядом с ним горбилась на стуле мама и долгим взглядом изучала лицо мёртвого человека.

В комнате висел трупный запах. Балконная дверь была открыта нараспашку, но это не помогало: в ноздри всё равно лезла тошнотворная сладость покойника. Нас отговаривали оставлять тело дома на ночь, но мама настояла на своём. Она считала, что предаст мужа, не воздав ему последних почестей.

На диване, как привидение, сидел брат и громко щёлкал шариковой ручкой. Так он успокаивал нервы. Казалось, кроме меня, его никто не замечал. Возле открытого окна на кухне я не мог слышать его, но слышал настолько отчётливо, будто ручку терзали возле моего уха.

Пройдёт год, и тело брата будет лежать на тех же табуретках, в той же комнате, на том же месте, где раньше был отец. А я на краешке стула возле него усилием воли буду сдерживать слёзы.

К двенадцати дождь усилился. Из маленького небесного недомогания превратился в слёзный траур, а к двум часам дня повелитель воды захотел построить стену из дождя. По неровностям дороги поползли лужи, стволы тополей возле дома пропитались влагой и потемнели, промокшие люди толпились в подъезде. Они бросили дела, чтобы проводить отца в последний путь, но из-за повелителя воды мало кто поехал на кладбище.

В день похорон часто идёт дождь. Когда хоронили брата, он тоже шёл.

Ровно в два часа поток воды внезапно прекратился и появился вновь, когда последний человек покинул ограду могильного места, оставив покойника одного с венками, камнем из гранита и словами на траурных лентах.

Тело отца вынесли на улицу и поставили на табуретках возле подъезда. Люди в молчании сгрудились вокруг него и смотрели на спокойное бледное лицо. Каждый думал о своём. Я не мог смириться с мыслью, что папа мёртв. Казалось, всё, что происходит, – большой спектакль, разыгранный специально для меня. Мужики с обветренной кожей – первоклассные актёры, актриса в роли моей матери, манекены пятиэтажных зданий, картонный ящик, обклеенный обоями под дерево, картонное притворство, канцелярский клей и ножницы. Ситуация из коробки с надписью: «Для детей от шести лет». Сделай сам. Вырежи и склей, склей и любуйся. Холодный ветер, пасмурное небо и скорбь под ногами в мутных лужах.

Отца положили в грузовик и прикрыли крышкой, чтобы дождь, если снова начнётся, не замочил деловой костюм, новые туфли и не стекал по щекам.

Люди расселись по легковым машинам и заказанный для похорон автобус.

До сих пор проклиная тот день и своё слабование. Не захотел смотреть, как закапывают папу, но вижу каждую ночь во сне. Фигуры с лопатами скованы ливнем, весь ритуал, как в замедленном кино, тянется и тянется за влажной пеленой.

Сначала мне сказала мама, что гроб перевернулся, но я не придал значения её словам. Во-первых, был слишком расстроен, чтобы понять их смысл, а во-вторых, не мог представить весь ужас той ситуации. А потом смог.

Мы с братом были на даче, когда он решил рассказать. Клали брус, выравнивали фундамент, делали бетонные стойки под него. Уставали до изнеможения, работали без выходных и уходили с дачи затемно.

Прошёл месяц после смерти отца. Мы собирались домой. Стрелки часов показывали полночь. Мы сидели на бруске у калитки и пили чай. Брат курил. Недалеко от нас болталась тусклая лампа, подвешенная за провод на углу дома.

– Помнишь: твоего отца хоронили?

Мы от разных отцов, но у нас одна мама. С первым мужем она развелась через два года после свадьбы, и фактически нас обоих воспитал мой отец. Но если с братом мы были роднее некуда, то родителей мы называли никак иначе, как «твой отец – мой отец». Дядю Колю я хорошо знал и, честно говоря, недолюбливал. Мои родители расходились на четыре года. Все эти годы отец платил алименты. Дядя Коля тоже платил.

И если мой отец платил исправно и молча, то отец Пашки любил пьяным прийти плакать на пороге и упрашивать маму от них отказаться. Пока отец жил с нами, дядя Коля не позволял себе подобных фокусов, но в те четыре года полил слезами не одну жилетку.

– Конечно, помню.

Брат затянулся папиросой. В его глазах переливалась пугающая задумчивость. После такой задумчивости люди встают, тихо прощаются и уходят. А дома снимают одежду с бельевой верёвки, прищепка за прищепкой, свивают из неё петлю и вешаются на держателе для люстры так, что рядом с грудой костей и мяса маячит, раскачиваясь, набор упакованных в плафоны лампочек.

Нить седых волос в тёмной шевелюре, толстые мужицкие пальцы с глубоко вьёвшейся рабочей грязью сжимают папиросу «Беломорканал». Красивое детско-взрослое лицо. Мой брат

всегда хотел быть взрослым и самостоятельным, быть хорошим отцом и любящим мужем. Он стремился быть старше и мог всё. Не помню такого, что не умел бы делать мой брат. Армию он прошёл в «самых почётных и важных войсках»: в стройбате. Вот уж, действительно, школа жизни. С ещё парой бойцов он обклеивал обоями три-четыре квартиры в день. Причём бойцы делали ремонт качественно. Стройбат не какой-нибудь спецназ. Там учат строить дома, чинить электро- и водопровод, а также выживать в экстремальных условиях. Универсальные солдаты универсальных войск. Мой одноклассник незадолго до призыва в армию чуть не угодил в тюрьму. Удача улыбнулась ему, а стройбат выбил половину зубов и поставил на их место золотые. Под дембель, говорил одноклассник, денег было больше, чем карманов. Воровали в военной части и продавали всё: от кирпичей до унитазов. О товарищах по службе он рассказывал так: без судимости был только один человек, да и тот – дурак, у него даже справка была.

Руки и ноги брата покрывали армейские шрамы. (Мой одноклассник говорил, что у них железные дужки от кровати разгибали об спину). На левой руке брата чуть ниже плеча красовалась мясная воронка. Это от гвоздя, что был на конце длинной палки, которой со всего маха ударили Пашку; метили в голову, но промахнулись и попали ниже – повезло. Помню, с какой злостью рассказывал брат об этом случае. Он только принял воинскую присягу, делал свою работу, исполнял свой долг перед Родиной, а тут появляются «деды» и отдают приказ: «Сначала нашу работу закончи, а потом к своей приступай». Пашка отказался и заработал первый военный шрам. Несётся, говорит, один урюк с палкой наперевес, а на конце у неё здоровенный гвоздь, и – бам!

– Мы опускали гроб, – дыхание Пашки участилось.

Он замолчал, и в тишине отчётливо был слышен каждый его вдох и выдох. Свет лампы звенел в окружавшей нас тьме. Она поглощала забор и дорогу за домом, соседние дома и их жителей.

– Гроб перевернулся, – брат смял в руке папиросу. – Сорвался и упал. Набок. Слетела крышка, труп выпал, бритвы, цветы, перстни – всё нафиг. Прямо на землю, в грязь. Он же разлагался, от него запах такой был. . . И все стоят мнутя, – Пашка покачал головой. – В могилу прыгнул, тело перевернул, уложил, бритвы-фигитвы собрал, перстни все. Цветы сложил. – У Пашки на лице гримаса отвращения. – Ты бы знал, каково это. Трупный запах, и ты в могиле. И эти смотрят. Знаешь, как противно?

Мой одноклассник, тот самый, о чью спину разгибали дужки кроватей, узнав, что Пашка опускался в могилу, сказал: «Дурное предзнаменование». Вот уж хуже некуда.

Я не понимал, что происходит и чей труп выносят из дома. Чужие, далёкие люди заполнили квартиру и отстранёнными взглядами скользили по стенам и полу. Как будто сговорились все стоять, молчать и блуждать взорами по стенам. Далёкие друзья отца и мои друзья, далёкая мать, далёкий брат. Люди стали чужими на время похорон. Несли деньги, внимание и понимание, и всё равно были чужие.

Через год с небольшим после смерти моего отца брат повесился. У него были проблемы в семье, он пил и презирал себя за это. Пропивал получку, а потом жил в долг. Занимал, пропивал, с получки отдавал долги, а оставшееся снова пропивал. Засыпал зимой на снегу. Его раздевали, вытаскивали из карманов деньги. Помню, как было неприятно, когда рассказывали, что Пашка лежал возле «Гастронома».

Пожив с ним немного, женщины его покидали. Потому что пил. Или, может быть, пил, потому что покидали. Не знаю.

А вообще женщины его любили: он был высокий, красивый. Был.

Смерть не старуха с косой. Это отчаяние и безысходность.

У Арийских народов был обычай пускать труп на лодке или плоту по воде. Покойника при этом сжигали, и даже слово «новья», то есть могила, происходит от древнеитальянского

«navis» – лодка или греческого «нао» – теку. В «новье глядеть» означало глядеть в могилу, быть на волосок от смерти. Сама форма гробов похожа на лодку.

Вода не символ жизни, а спутник прощальных церемоний. Харон у греков перевозил мертвецов через реку Стикс. По их погребальному обряду, покойному клали в рот мелкую монету для уплаты за перевоз. Славяне клали в рот несколько мелких монет на издержки в дальней дороге на тот свет, а к гробу привешивали кафтан покойника.

Кровь течёт по венам живого, а в чреслах мёртвого – вода. Ошибаются те, кто сравнивает жизнь с бурным потоком. Ливни преследуют похоронные церемонии, разливаются по обшивке мертвецких лодок, текут по лицам провожающих в последний путь.

Хоронили брата осенью, незадолго до его дня рождения. Умер он третьего ноября, день рождения – одиннадцатого.

Ему должно было исполниться тридцать лет, мне был двадцать один. Разница в возрасте у нас составляла девять лет, и с каждым годом она становится всё меньше. Сейчас мне двадцать шесть, а ему всё те же неполные тридцать. Сейчас у нас разница – четыре года, а через пять лет я стану старше моего старшего брата. Я постарею, а он навечно останется молодым.

В девяносто девятом я учился в Иркутске на последнем курсе университета. Однажды в шесть утра меня разбудил Андрюха:

– Вставай. Тебя.

Нехотя поднялся, спотыкаясь о стулья и кровати, доплёлся до телефонного аппарата, в полусне поднял трубку:

– Аллю.

На той стороне провода тишина, щелчки и треск, а затем голос мамы:

– Саша, Павлик... – Снова тишина. – Паша...

Перед глазами поплыли обои, зеркало и тумбочка, телефонный треск волнами приливал и отливал, и накатывал вновь. По голосу мамы стало понятно, что брат умер.

Я никогда больше не буду смотреть вместе с ним комедии по телевизору и смеяться взахлёб. Никогда не буду заниматься с ним спортом, слушать музыку, говорить, мечтать.

– Умер?

– Да, – далёкий голос с того конца трубки.

– Как?

Моему брату двадцать девять лет. От чего он может умереть? Ни от чего. Только в автокатастрофе, только при пожаре, только от стихийных бедствий, только в пьяной драке. Тысяча и одна причина. И одна.

– Повесился.

Эсился, эсился, эсился... На том конце провода мама сжимает в руке телефонную трубку. (Лежит в гробу. Родные морщинки вокруг глаз.)

Эсился, эсился, эсился... Тишина.

Мой брат повесился.

Минули сутки с тех пор, как я, прощаясь, пожал ему руку. Последний раз.

Мама смотрит на меня закрытыми глазами из гроба. В них укор: я жив, а все мертвы.

Перед отъездом в Иркутск я помог Пашке переехать к нему домой. До этого он жил у нас, а Натаха – у своих родителей.

Брат цеплялся за семью до конца. Хотел обычного семейного счастья, но у него был порок – пьянство. И только любимая жена и ребёнок могли спасти его. Но не тут-то было.

Помню, Пашка жаловался: «Я бросил пить – в «Иегову» специально подался, – курить бросил, а Натаха, наоборот, начала и пить, и курить. Со всеми друзьями разошёлся, забыл даже, когда видел кого. У неё же толпы их появились. Я на работу – она шалман в хату тащит. Да ещё и всякую мразь. Мне здороваться с алкашней этой противно, а она домой её ведёт».

Однажды мы с Пашкой встретили одного из приятелей Натахи. От него пахло недельным перегаром, потасканная одежда висела на худом невымытом теле. Пожав ему руку, брат долго вытирал пальцы о листья первого же тополя.

– Такую мразь Натаха ведёт домой.

Пока Пашка ходил в «Иегову», знакомые жены боялись его и обходили стороной. Но однажды он сорвался. Период веры продлился всего год.

В один из дней будильник поднял брата, а жены дома нет. И дочь надо вести в детский сад, и на работу опоздать нельзя.

Пашка отвёл Юлю в детсад, а вечером забрал. Жена так и не появилась. Не появилась и к ночи. И на следующий день, и днём позже.

Юля переехала к нам. Брат не успевал после детсада на рабочий автобус. Натаху искала милиция и не смогла найти, в морге её тоже не оказалась. А оказалась она в Иркутске с каким-то новым ухажёром. Вот тогда брательник и запил.

Вернулась через два месяца, чтобы оформить развод.

Переехала с Юлей к своим родителям, а брат ночевал у нас. Натаха постоянно звонила Пашке по телефону, но брат игнорировал её звонки. Честно говоря, я думал, их любовная история закончилась.

В сентябре я отправился учиться в Иркутск, а в последних числах октября появилась возможность ненадолго приехать домой.

К моему приезду Пашка с Натахой помирились. Первого числа я помог им перебраться в их общежитие, а второго сел на автобус в Иркутск. Петлю на шею брат затащил в ночь со второго на третье.

Новоиспечённая семья решила отпраздновать новоселье. От признаний в верности супруги быстро перешли к скандалу и драке.

В порыве отчаяния брат закричал:

– Да я повешусь пойду!

Стена уютного счастья, которую он собирал кирпичик за кирпичиком, снова рухнула. Позже оказалось, что Пашка уже два раза примерял петлю, а всем известно: в третий раз Бог забирает самоубийц к себе.

Наши предки утопленников и удушенных не хоронили на кладбищах. Было убеждение, что если где-нибудь похоронить утопленника или удушенника, за это весь край постигнет бедствие. На этом основании народ, взволнованный несчастьем, таким, как неурожай, мор или эпидемия, выгребал мертвецов из могил.

Натаха собрала в доме все верёвки и ремни и бросила их в окно, туда, где валялись к тому времени журналы из серии «Сторожевая башня» и «Пробудитесь!»

Дети чьих-то беспечных родителей, которые играли в столь поздний час на улице, позже рассказывали, как Натаха кричала Пашке: «Ну что, ты ещё не повесился?!»

Вот он и затащил петлю. Назло.

Брат поднимался по лестнице с ремнём, бельевой верёвкой и стопкой журналов, а его жена, дождавшись, когда он появится в конце коридора, высунулась в дверь и задала свой риторический вопрос.

На похоронах она играла роль безутешной вдовы. Упала на колени на могильный холм, гладила рукой фотографию надгробия, и было видно, что врёт.

На прощальной церемонии люди похожи на больших ворон, которые собрались вокруг гроба. Стоят и сжимают молчанием гигантские клювы. Наблюдают за теми, кто втыкают лопаты в холм около ямы и кидают землю в адскую пучину.

Можно бесконечно смотреть на огонь, воду и как закапывают мёртвого. Лопата за лопатой шага в бездонную пропасть.

Жена брата играла роль безутешной вдовы, а Юля сидела на диване рядом с гробом и, скучая, болтала в воздухе ножками. Она не понимала, что произошло. Она всего лишь пятилетний ребёнок.

А перед сном она сказала:

– Я знаю, что папа умер. А когда вы его зароете, я пойду ночью и откопаю его.

Сразу после похорон Натаха с Юлей переехали в другой город.

Я разговариваю с мёртвыми. Я слышу их, и они слышат меня.

Родные морщинки на лице. Последняя связь с этим миром оборвалась, и я в полной пустоте. Я наг и оборван, стар и мёртв. Мёртв внутренне.

Глава 2

*Смерть – это дерево,
Могучий дуб из легенды.
Корни этого дерева
пронизывают мировую тьму
и впитывают её,
словно животворящий сок.
А ветви его
Растекаются реками света.
Дерево – смерть
выпьёт всю тьму до последней капли,
и твой череп станет пустым,
как вычищенная до блеска чаша,
готовая наполниться
и принять в себя свет, свет, свет...*

Ханс Бёрли

Я разговариваю с мёртвыми, и они говорят со мной.

Сами вы чёртовы некрофилы. Узнав, что я обнимаю мёртвое тело, вы сразу думаете о пошлом. Вы не замечаете никого вокруг, вы только ноете о своих проблемах и не хотите элементарно выслушать других.

Даже в родительский день на кладбище вы умудряетесь упрекать мёртвых: «Привет. Вот мы и пришли. Боже мой, что ты наделал? За что так с нами? Ни о ком не подумал. Ой-йо-йой. Ну, давай помянем». Помянули. Можно идти. Спасибо всем за участие.

Ацтеки, чтобы умерший имел при себе спутника по дороге в Миктлан, убивали собаку, а также приносили в жертву маис и зерно, чтобы покойнику было что покупать по пути. Похоронный обряд повторялся раз в год в течение четырёх лет. По окончании этого срока считалось, что умерший достиг цели своего странствия.

Мы проходим долгий путь по ненадёжному мосту, чтобы упасть в костлявые объятия смерти. Мы бредём, погружённые в свои мысли, не замечая людей вокруг, не замечая, как мы нужны им, а они не замечают, как нужны нам.

Я раскапываю могилы и внимательно слушаю то, что мертвецы не могли сказать раньше. Я не священник и не отпускаю им грехи, но даю им спокойствие, которого им так не хватало.

На похоронах брата воды Стикса порвали небо, и мы тянулись за гробом, как стая ворон в чёрных фраках. Семейные по покойному должны носить скорбное платье, синее или чёрное, и непременно ветхое, а не новое: во время траура стыдно ходить опрятно, это считается неуважением к памяти покойного.

Находиться у Пашкиного гроба было жутко. Покойник был слишком живой, но какой-то бескровный, бледный.

Пока я сидел на диване в его ногах, всё было нормально. Люди приходили и уходили, говорили тихими голосами и топтались на месте. Одни долгими взглядами изучали бездыханное тело, другие блуждали глазами по мебели или упирали их в пол. На похоронах комфортно только виновику «торжества». Всех остальных мучает вопрос: «Что я здесь делаю?» И в ответ – так надо.

Кто-то подсаживается к гробу. По несколько ворон с одной стороны.

Очередь дошла до меня, и я сел к голове брата. Рассматривал его гладко выбритый подбородок, веки, брови, щёки, лоб с церковной полоской. Как живой. Сейчас дрогнут ресницы, и глаза откроются. Синюшные губы растянутся в ухмылке. Брат поднимется и вопьётся клыками мне в шею, вонзится острыми пальцами в мои плечи и будет рвать мою плоть.

Меня охватил ужас. Мой брат не такой, как прежде. Он мёртв, его нет. В гробу вместо него другое существо, злобное и опасное. И оно хочет, чтобы я присоединился к нему, и мы вместе шли по дороге в Миктлан. Нет, не в Миктлан, а в Аид или в жаркое пламя Ада.

Я сомкнул веки и стал считать до ста: один, два, три, четыре, восемь, десять... второй десяток, третий...

Закончив, осторожно встал, обогнул пустые табуретки рядом с собой и на слабых ногах выбрался из комнаты. Больше к открытому гробу я не подходил. На кладбище проскочил мимо тела, не прикасаясь к нему и не задерживая на нём взгляд. Мне хватило того ужаса, что пережил в комнате родителей.

Родственники умирают и оставляют после себя только имена на камнях, друзья женятся и навсегда исчезают, жена с каждым годом всё больше отдаляется от тебя, становясь ещё одним компонентом быта. Знакомые с работы близки, как прохожие на улице.

Живым нет до меня дела. Для них я либо чужак, либо слетевший с ума ублюдок. Только соседи из дома напротив понимают меня. После смерти брата мы с мамой продали квартиру и переехали в частный дом, как принято теперь называть времянки. Так маме было спокойней. В стены старой квартиры навечно впитался мёртвый дух её сына. На новом месте она прожила всего два года. Умерла тоже во сне, повторив судьбу мужа. И я остался один.

Соседям напротив понятно моё горе. Каждое утро я прихожу к ним за горячим чаем. Я скуп на слова, и они терпят мою молчаливость.

Люди в больших городах бегут, толкают друг друга, стаями пингвинов едут на эскалаторе в метро: одни – вниз, другие – вверх, давятся в автобусах, пульсируют на раскалённых улицах, толпы народа, клубок непохожих судеб. Усталые лица на вокзале, истощённые суетой лики в метро. Нас много, имя нам не легион, мы человечество. Мы вместе, мы одно целое. О каком одиночестве может идти речь?

Вечером люди приходят домой в свои обжитые квартиры, у одних дома никого, у вторых – семья или соседи. Но они приходят домой и понимают, что они одни, внутренне одни. Им не нужно сострадание – им нужно понимание. И немного любви.

В ночи загораются окна, и каждое окно – квадрат обречённости и пустоты. Тысячи, миллионы людей – и всякий одинок.

Часто мы вспоминаем о людях, когда они умирают. Не ценим живых, зато сполна отдаём почести мёртвым. Хотя какие там почести? Прийти раз в год на могилу? А мы вообще, кроме себя, кого-нибудь замечаем? Да и мертвецы вели себя не лучше нас. Такое впечатление, что мы соревнуемся в том, кто быстрее отдалится друг от друга.

Смерть мамы стала последней каплей в чаше моей безысходности. С детства я чувствовал её, и вот чаша переполнилась, наклонилась набок и упала.

В ночь после похорон мамы я вышел, зимой, босиком, в одних трико, на улицу в заснеженный огород, упал на колени и стал выть на луну.

В былые времена на похороны звали плакальщиц. Они кривлялись, громко вскрикивали и заливались в причитаниях. Смерть окружала меня, шила мне белые одежды, обнимала и баюкала на снежных руках, а я кричал и кричал, запрокинув голову. Со мной больше никого не было в этом мире, и лишь мертвецы улыбались из ледяного воздуха, вырисовывая физиономии на клубках пара из моего рта. Вокруг меня смерть. Всегда.

Мне было восемь лет. Родители отправили меня за хлебом в магазин.

Позади был первый класс, а впереди маячили летние каникулы.

Напротив нашего дома находился стадион, а на нём спортивная площадка. На ней, кроме лестниц и турников различной высоты, стояли спортивные брусья. Площадку недавно построили, и все сооружения пока были плохо укреплены и шатались. При желании любое из них можно было уронить.

По брусьям на высоте двух метров вышагивала юная гимнастка в обтягивающем костюме.

Девочке, видимо, нравилось представлять себя звездой подиума. А мальчишку, который, стоя внизу, раскачивал брусья, её прогулка явно раздражала. Говорят, садистским отношением к девочкам глупые мальчишки, которые не знают, как вести себя со слабым полом, выражают любовь. Девочкам, судя по всему, такие заигрывания по душе. В детском саду много раз вступался за девчонок, когда над ними издевались мои сверстники. Что меня приводило в замешательство, так это – непонимание, почему девочки, после всех издевательств над ними, так благосклонно относятся к своим мучителям.

Это случилось прямо на моих глазах, когда я проходил мимо спортплощадки. Гимнастка делает шаг мимо брусьев, злорадная ухмылка хулигана, брус падает на распластанную на земле девочку, испуганное лицо пацана. Брус врежется в голову на песке. Длинные волосы, спортивный костюм и балетные тапочки. Боль, вскрик, тёмная кровь. Хулиган уносит ноги. Брус, давит на голову с косичками. Стоп кадр – снято.

Моё первое столкновение со смертью. Дряблая старуха с косою обнажила гнилые зубы в усмешке и медленно, смакуя нелепость ситуации, – смерть на глазах у ребёнка – приподняла подол своего мешковатого платья. Я не испытал ни отвращения, ни шока, ни интереса. Мне вообще было всё равно.

Мой друг Максим рассказывал о случае в армии. У двух солдат из его части сдали нервы, они взяли автоматы и устроили сезон охоты на шакалов. Так Максим называл офицеров. В итоге офицер, которого следовало бы наказать, спрятался и остался невредим, а вот нормальный мужик отправился к праотцам в Валгаллу.

– Ему полчерепа снесло, он лежал и открывал рот. Медсестричка прыгала вокруг, не зная, что делать. А мы стояли и смотрели, как вытекают мозги, и ничего не чувствовали. Теперь ты понимаешь, что такое солдат? В армии всё атрофируется.

– Никогда ничего не чувствую. Трупы – и трупы, – пожал я плечами.

Максим устался на меня. Одна, две, три, четыре секунды.

– Да ты вообще какой-то отмороженный.

В свои восемь лет я ничего не мог сделать без помощи взрослых. Мальчишка убежал, а у моих ног истекала кровью девочка. Она тихо лежала и напоминала рыбу, которая перестала бороться, успокоилась и только хватает ртом воздух.

Я ринулся к своему дому и стал звать на помощь. Сначала к месту трагедии прибежали всё-таки дети, а не взрослые. Они подхватили мой крик, пронесли его на руках и ударили о стены домов. Бабушки на лавочках всполошились, кто-то кинулся вызывать «Скорую помощь».

Она приехала слишком поздно. Мы ждали её, не зная, что предпринять. Перекладину приподняли и убрали в сторону. Девочку не тронули, потому что кто-то сказал, что её нельзя передвигать.

Гимнастку окружили старушки и маленькие дети. Мы стояли и наблюдали, как умирает наша ровесница. Вокруг её головы растеклась овальная лужица, и она продолжала расти. Часть кровавой массы впиталась в песок, остальная расплзлась, желая добраться до наших ног. Я смотрел на рыбы глаза, на открытый рот, из которого выплывала алая масса, на липкие пряди волос, и меня, первоклассника, поразило одно: кровь текла не только изо рта и носа девочки – она витиеватой струйкой выбегала из уха. Как кровь может течь из ушей? Второе ухо я не видел. Девочка лежала на боку – её голова была прижата к земле, точно к неудобной подушке. И ещё я не мог понять, зачем она напялила этот дурацкий костюм и эти дурацкие чешки?

«Скорая» приехала настолько поздно, что не стала оказывать первую медицинскую помощь. Она пронеслась по стадиону к горстке людей у турников, врачи вылезли из машины и вместе с нами наблюдали за рыбьим спокойствием умирающей.

Через год я увидел смерть во второй раз. И вновь это была девочка. Старуха с косою ревнует к молодости и забирает самых юных.

Это была моя одноклассница, с которой я сидел за одной партой в течение двух лет. До пятого класса нас разбивали по парам в порядке «мальчик – девочка». Все мы этого стеснялись. Мальчишкам претило общаться с девчонками, а девчонкам – с мальчишками, а сидеть за одной партой с ними было что-то вроде специально придуманной для детей пытки. Детей вообще легко наказать. Поставил в угол – всё, траур. Только в старших классах, последних двух, мы наконец поняли, как это здорово: делить парту с девочкой. Но было поздно: комплексы, сформированные за много лет, не отпускали из своих нелепых объятий. Лет в двенадцать, когда учителя перестали контролировать, кто где сидит, мы расселись по партам, кто с кем дружит. Обычно с тем пацаном, с которым ты сидишь за партой, проходит и остальная половина дня. Находиться от человека на расстоянии вытянутой руки пять дней в неделю по несколько часов подряд – не шутка. Вы становитесь ближе и даже роднее. Но только в детстве, пока не привыкли пожимать руки всем, включая тех людей, которых ненавидишь.

С Дашей произошёл несчастный случай. Она упала с качелей.

Качели были такими большими, что нас, детей, умещалось на них человек десять, а то и больше. Они представляли собой две лавки, расположенные друг напротив друга, и площадку между ними. Мы становились ногами не на сами лавки, а на железные трубы, которыми заканчивались спинки сидений. Сорваться с них – плёвое дело. Поэтому мы хватались руками за трубы, на которых держалась вся эта конструкция, и приседали, каждый со своей стороны, сразу вставая, чтобы привести качели в движение.

И конечно, их придумали для того, чтобы взрослые, стоя на земле, раскачивали малышей, а совсем не за тем, чтобы стая детей старалась добраться на груди железа и дерева поближе к солнцу. Больше всего нам нравилось, когда в самой высокой точке качели бились о перекладину параллельно земле. В этот момент у нас дух захватывало. Казалось, мы постигли что-то новое, стали подобны птицам и уже не обычные люди, а сверх-не-знаю-кто.

Каждый рисковал сорваться и упасть на землю – и Даша упала. Максим тремя годами позже так же сорвался с качелей. Он упал ничком, и махина пронеслась над его головой, не задев друга, но он, вместо того, чтобы лежать, пока она не остановится, или выползти из-под неё, попытался встать. И получил сильный удар по голове. Мы как раз раскачались так, что в верхней точке подъёма видели перед собой тёмную почву. Остановиться мы не могли. Закричали Максиму, чтобы он лежал, но он поднимался вновь и вновь, получал удар по голове и снова вставал. Как только стало возможным, мы прыгнули с качелей и рванули за родителями. Мама Максима, прибежав из дома, застала его с окровавленной головой в полубессознательном состоянии. Моему другу наложили на голову десяток швов, и он по сей день не стрижется коротко, иначе полосы шрамов будут бросаться в глаза. Максим получил не один сильнейший удар, а Даше хватило одного.

Однажды к нам в класс пришли Дашины родители и сказали, что она умерла. Никто из нас не понимал, что значит «умереть», но родители Даши были настолько угрюмы и задумчивы, что на миг всем стало грустно. Только на миг. К концу урока на перемене мальчики и девочки возбуждённо обсуждали траурную новость. Она ничем не отличалась от других детских новостей. И только я съёжился на подоконнике в коридоре, среди гама и девичьего визга, и невидящим взором смотрел через окно на улицу. Мне было девять лет, и я тоже не до конца понимал, что такое смерть, хотя уже видел её. Но, в отличие от остальных, провёл с Дашей два года за одной партой, и Даша не была мне чужой, как остальным одноклассникам. Наверное, я любил её. Наивно и совсем не по-взрослому.

Я стоял у гроба, маленький и серьёзный.

– Дотронься до ног, – сказали мне.

Я протянул руку к обуви Даши. В ней был холод. Тогда я впервые прикоснулся к смерти физически. И она была холодна не только телесно, но и сам воздух в квартире, а потом и вокруг похоронной процессии был холоден, точно всех облепило снегом и мы разлагаемся, лёжа под белым покровом зимы. Тогда же я увидел, насколько всё фальшиво и грязно на похоронах.

Одноклассники принимали траур за новую игру. Она им быстро надоела, и они, не зная, куда себя деть, пытались тихо дождаться окончания церемонии, получить свои конфеты и съесть их за столом. То же самое я много раз наблюдал на других похоронах. Только там были взрослые, а не дети. Единственное отличие в поведении взрослых и детей – то, что первых привлекают сладости, а вторых – водка. Дети не понимают, что такое смерть, и потому так беспечны, а взрослые всё отлично понимают, и похороны для них – прекрасный повод выпить.

Отец Даши стоял с мужиками в подъезде и одну за другой курил сигареты. Табачный дым окутывал его, и я думал, что дядя похож на ёжика в тумане из мультфильма: такой же беспомощный, потерянный и маленький.

Дашина мама не отходила от гроба ни на минуту. Она рыдала в голос, и незнакомые мне бабушки, укутанные в платки, вторили ей. Один раз я видел, как женщины в «Ритуальных услугах» выбирали траурные одеяния. Впечатление было такое, что они зашли в магазин одежды и примеряют там выходные платья.

Разбитые горем, они купили памятник на могилу. А потом моментально оживились, когда заговорили о том, как будут выглядеть на похоронах. Какой же платок выбрать? Этот не очень, тот – тоже, а этот очень даже ничего. Женщина всегда следит за внешностью.

Только не мать, которая хоронит маленькую дочь. Может, если бы Даша была лет на десять старше, её мама не билась бы в истерике. Всё-таки взрослого человека тяжелее любить, чем маленького. Взрослых вообще тяжело любить. Слишком много плохого они успевают сделать. А дети – святые. Не зря ангелов изображают в виде младенцев. Они ещё не впитали в себя ядовитость мира, не научились лгать и скрывать чувства.

И ацтеки за их невинность приносили небесных созданий в жертву богу дождя Тлалоку. Они топили детей в воде, и детские крики вызывали дождь.

На похороны одноклассницы тоже пришёл этот мрачный спутник погребальных церемоний.

Я смотрел на Дашиных родителей и на фальшивых одноклассников, и мне было противно видеть горе и равнодушие рядом с ним.

А вечером я написал первое и последнее в своей жизни стихотворение.

«Покойной Даше»

У гроба Даши мальчик стоял,
За туфли её он зачем-то держал.
Его одноклассники выли в сторонке
И ждали сластей получить втихомолку.
А папа её сигареты курил,
Он хмурился, ничего не говорил.
И мама рыдала, она без лица,
В платке она плакала всё без конца.
Дождь гроб заливал, и чернела земля,
И там, на земле, стоял тихо и я.
А парта теперь, где сидел я, пуста.
Не хочет никто занимать там места.

Одно из главных преимуществ человека в том, что он может хорошо скрывать свои чувства, или, наоборот, изображать то, что требует ситуация. Животные не умеют притворяться. Если собака радуется, то виляет хвостом, страшно – скулит, злится – рычит. А человек может давиться от злости и с широкой улыбкой на лице пожимать тебе руку, радоваться – и при этом изображать невыносимый траур. Но люди меняются, когда умирают. Перед смертью все равны, и нет больше смысла притворяться, можно быть таким, какой ты есть.

Смерти безразлично: стар ты или молод, беден или богат, глуп или умён, безвестен или знаменит. Ей не нужны ни твои богатства, ни новые туфли, ни деловой костюм. Ей плевать, кто ты и что ты, главное – она дождалась и обнимает тебя, прижимается костлявой грудью к твоему недавно зарытому телу, во тьме и тесноте деревянного гроба.

Смерть – это дерево, внутрь которого ты заключён. Смрадное дыхание в сантиметре от твоего рта. Губы, покрытые язвами, всё ближе и ближе к твоим губам. Дотрагивается гнилым языком до твоих зубов, проводит по ним. Невыносимая вонь бьёт тебе в нос, хочешь закричать, но твои попытки тщетны. Её пустоты по обеим сторонам от носа напротив твоих глаз. Остановись мгновение – ты ужасно.

Пауза длинной в вечность, кровь, которой нет, пульсирует в ушах. Паук ползёт по идеально отглаженным брюкам, одинокий свидетель замогильной похоти. Чьи-то пальцы на твоих руках, которыми невозможно пошевелить. Свои ненавистные глаза. Ты мечтаешь их закрыть, чтобы не видеть обезображенный временем череп и глазницы, из которых на твоё лицо падают личинки. Вьюга ломает кости изнутри и рвёт сосуды. Вены, натянутые ей, как тетива. Паук внимательно следит за тем, что будет дальше. Он замер на полпути и прислушивается к каждому звуку.

И в следующее мгновение старуха впивается язвами в твои губы.

Тьма принимает различные уродливые формы. Сгустки темноты наплывают на тебя и отступают. Чёрные воды сырой земли. Гроб символизирует лодку. Плыви, плыви, покойничек. Чтобы добраться до подземного царства Миктлан, надо пересечь девять рек. Путь твой долог и тернист. У тебя есть четыре года, и не больше. Иди к богу тьмы Миклантекухли, который правит в царстве мёртвых. Его лицо покрыто маской из черепа, и, поверь мне, твоё лицо ждёт то же самое. Груда костей, облепленных остатками кожи и мяса. Ацтеков ад – не ад христиан. В нём нет огня, в нём плотный, беспросветный, скользкий холод. Царствие бога тьмы не в жаркой пустыне огня, а в далёких степях Севера. Тебя ожидает вечная стужа, и она страшнее, чем жар от несметных костров. Четыре года, и каждый год тебя будут поминать и приносить в жертву собаку, чтобы у тебя был спутник в твоём длительном странствии, и маис, чтобы тебе было что поесть. Четыре года в пути, отражая нападения монстров, терпя порывы ледяного ветра и пересекая реки, чтобы прийти в царство холода и мрака, где бог тьмы со своей супругой, в окружении сов и пауков, ждёт тебя и таких, как ты.

Самое страшное – жизнь после смерти. Наедине с собой и своими кошмарами. В обнимку с одиночеством. Держась за руку со своей депрессией.

Я говорю с мёртвыми, и они отвечают мне. И рассказывают о том, как жили. Потому что единственное, что имеет смысл – это жизнь. Смерть – это наказание, это расплата за то, что ты жил.

Глава 3

*Полувядших лилий аромат
Мои мечтанья лёгкие туманит.
Мне лилии о смерти говорят,
О времени, когда меня не станет.*

Зинаида Гиппиус

Больше у меня никого нет. Только обязательные дни поминовения: третий, девятый, сороковой и каждый год – на родительский день.

Бездомные любят их. Всегда можно вкусно покушать, напиться вдоволь. Люди приходят и оставляют на могилах рюмки с водкой, тарелки с конфетами и блинами и кисель. Бездомные берут с могил водку и запивают её киселём или закусывают конфетами.

В древности считали, что покойник меняется в своём тлении ровно три раза. На третий день изменяется его образ, на девятый – распадается тело, на сороковой – истлевают сердце.

Я много знаю о последних обрядах и могу не хуже старой бабки объяснить, что делать на похоронах. Заносить в дом гроб следует головой вперёд, а при выносе тела впереди должны быть ноги. Цветы должны нести женщины, мужчинам их дают в крайнем случае. Сначала гроб несут на руках, а затем на лентах или длинных плотных полотенцах. Никто толком всех обрядов не знает, и каждый советует своё, и потому вокруг покойника всегда много споров.

Один раз на кладбище мне всучили горсть монет, и я не знал, что с ними делать. Стоял и хлопал глазами, как сова из мультфильма про Винни Пуха. Потом мне сказали, что если перед закапыванием могилы раздают одежду покойника, это значит, людям дарят его болезни. До сих пор не знаю, что было в тех злополучных монетах, но ничего хорошего от них ждать не приходится. В итоге, не представляя, что мне с этой мелочью делать, я сунул её в карман и на следующий день потратил в магазине. Наверное, монеты стоило бросить в могильную яму, чтобы покойному было чем расплачиваться на том свете. Например, с Хароном.

– Я всегда боялась темноты, – шепчет молодая школьная учительница. – В детстве я панически боялась ложиться спать, потому что перед сном приходилось выключать свет. Во тьме, мне казалось, тени, что прятались по углам, выходят из укрытий и начинают рыскать по комнате. Беззвучно зовут меня, широко открывая свои чёрные рты, тянут ко мне тонкие острые пальцы, натыкаются друг на друга и, как сомнамбулы, медленно расходятся. Эти карлики кружат вокруг моей кровати, задевают одеяло и стаскивают его с меня. Я тяну его на себя и читаю самодельные молитвы: «Боже, огради меня от тьмы, дай мне пережить эту ночь, помоги дождаться утра и света». Я никогда не боялась смерти, но тьма – самый страшный мой кошмар. И вот я в темноте. Навечно. Меня положили в гроб и закопали в землю, где вечная, невыносимая тьма.

Я баюкаю девушку на руках. Земля мокрая и холодная. Она прилипает к моим джинсам. Но мне всё равно. С некоторых пор я сплю дома на полу даже зимой, а порой и на снегу. И ни разу не заболел. Мечтаю о том, чтобы заболеть, долго мучиться и бредить, а потом умереть. Но старуха решила, что я и так часто с ней вижусь. Она думает, мы не сойдёмся характерами, будем ругаться, бить посуду и кричать друг на друга. Нет, мы ещё не готовы к браку. А я не могу больше. Меня раздражают глупые люди с их пустыми проблемами, с их бестолковой вереницей дней, которой они к тому же недовольны.

– Из вечера в вечер я думала о том, что наступит ночь и темнота окутает город, поползёт по улицам, пролезет в дома через подъездные двери и открытые форточки, просочится через

замочные скважины в квартиры, заскользит по полу, стенам, потолкам и ледяным ужасом войдёт в мою спальню. Каждый день для меня был кошмаром ожидания ночи.

В воздухе пахнет сыростью. Я сижу на голой земле. На руках у меня прекрасная девушка. Её совсем недавно похоронили, и разложение ещё не коснулось её тела. Все покойники, которых я извлёк из смертного ложа, – свежепохороненные. Только те, кто умер недавно, зовут к себе.

Первый раз, когда я услышал голос из-под земли, был осенью того же года, в котором умерла мама. Зимой и летом я редко приходил к ней, но осень напомнила о маме. В тот раз со мной пришли две мамы подруги и какие-то её знакомые с работы.

Я провёл три часа у могилы, почти не двигаясь с места. Сидел на лавочке и смотрел на камень из мраморной крошки и мамину фотографию. Деревья надели жёлтые платья, и я думал о том, что осенью люди впадают в меланхолию и часто принимают решение, стоит ли дальше тянуть ляжку или пришла пора оборвать нить Ариадны. Возрастает процент самоубийств, и природа засыпает покончивших собой бледными листьями.

В четырнадцатом веке, следуя заповеди «не убий», Триединский собор официально признал самоубийство убийством. Трупы суицидентов подвергали различным пыткам. Тела их вешали за ноги на центральных улицах, закапывали на перекрёстках с вбитым в сердце колом, точно вампиров, с позором хоронили с падалью и дошли до того, что стали выкапывать из могил трупы людей, только лишь подозреваемых в «преступлении». По уголовному положению Людовика XIV, тела самоубийц таскали на плетёнках по улицам лицом вниз, затем вешали, после чего бросали на живодёрню.

Самоубийцы вызывают уважение и одновременно непонимание. Мало кто решится добровольно прервать свою жизнь, какой бы невыносимой она ни была. Вряд ли самоубийство – это слабость. Может быть, и не проявление стойкой силы воли, конечно. Но кто из вас решится наложить на себя руки? Впрочем, вы уже покойники. Те, кто со мной ведут беседы, – настоящие, живые, а большинство тех, кого я встречаю на улице, удивительно мертвы. Вы, кому интересен только телевизионный экран, и вы, работающие в поте лица, и вы, обворовывающие тех, кто работает, – все вы покойники. Ходите по людным улицам, задевая друг друга плечами, теснитесь в автобусах, толкаетесь в метро, дети больших городов и пасынки маленьких. Квадрат экрана даёт иллюзию общения. А кто неудачно покончил с собой, того казнить. В девятнадцатом веке англичанин, неудачно перерезавший себе горло, был показательно повешен. Его тело, болтавшееся на верёвке, напоминало людям о том, что и после смерти не наступит свобода.

Холод осени отрезвляет. Мысли становятся чистыми и прозрачными, мир умирает и хорошеет. Красится жёлтыми погребальными красками, размазывает воронье карканье под глазами вместо теней, подводит губы мутными лужами, одевается в туман, натягивает на руки с длинными ногтями перчатки из бело-серых облаков, ложится в усыпальницу неба и разговаривает с тобой.

Деревья осенью просят на руки и ласться к небесам.

На нашем кладбище полно деревьев. Они окружают могилы со всех сторон, подпирают ограды, пускают корни в давно зарытые гробы, высасывают мёртвую плоть из земли и тянутся ввысь. Огромные, высокие деревья с лапами-ветками. Их нельзя срубить, потому что даже если упадёт одно дерево, оно разрушит сразу пару десятков захоронений. Страшно подумать о том, что будет, начни деревья падать одно за другим.

Листья опускались на могилу мамы и лавку, на которой ютился я. Моросило. В ушах гудело.

Мамины подруги давно покинули меня, оставив наедине с пеплом бумаги воспоминаний: о том, как с братом и отцом мы ездили на рыбалку, как дурачились, парились в бане. Как подолгу с мамой сидели на кухне, оставшись одни после смерти обоих, и размышляли о них. Как ездили отдыхать летом на юг. Тогда я был совсем маленький – о юге у меня сохрани-

лись только размытые годами картинки. Холодное мороженое и горячий кофе на втором этаже гостиницы, Чёрное море и свет, отовсюду яркий свет.

И я бы долго ещё упивался ностальгией, но утром будильник разбудит меня и отправит на работу, а перед ней надо выспаться, чтобы не клевать носом на ходу.

Интересно, как быстро бы меня уволили, узнав, что я мечтаю о смерти. Или пожалели бы? Вряд ли бы кому-то понравился рассказ о том, как я выл на луну и спал на снегу в огороде.

Я не стал дожидаться особого приглашения, сам написал заявление и устроился сторожем в детский сад, где и работал до прошлого года. Воспитатели и директор не знали, почему молодой парень с высшим образованием ночует в саду, получая копейки. Они были уверены, что кроме сторожа, у меня есть постоянная работа. Они даже думали, что у меня есть семья, и спрашивали: «Ну что, когда своего приведёшь?» Я пожимал плечами.

Мне противны живые люди из-за их мертвенности друг к другу. Но только взрослые. Дети не знакомы с равнодушием. Они вырастут и станут такими же, как их родители, но пока они дети, они святые. И чем меньше дети, тем они чище. А единственный способ вырваться из взрослого мира – как можно больше времени проводить в окружении детей.

Я почти не вижу их. Когда прихожу на смену, детей забирают домой, а ухожу, когда приводят. Но у меня есть шанс всю ночь напролёт находиться в атмосфере детства.

Я брожу по группам и разглядываю игрушечного размера столики и коврики, горки и велосипеды. Кручу в руках поделки из пластилина и картона, рассматриваю смешные, простодушные рисунки. Хотите настоящее добро? Посмотрите на кривые лучи жёлтого солнца, забавные квадраты-дома с треугольными крышами, прутьики-травинки, нарисованные детской рукой.

У детей нет наших правил: где врать, а где молчать.

Но до поры до времени. Дети наблюдают за нами, копируют наше поведение, и однажды в них появляется гниль; она разрастается, ползёт по рукам и ногам, заполняет собой маленькие тела. Дети взрослеют, становятся хитрее и превращаются в монстров. Не гусеница становится бабочкой, а наоборот: бабочка бросает крылья и учится ползать по земле.

Это была десятилетняя девочка. Она звала меня тонким, еле слышным голосом.

Я покинул ограду маминой могилы, закрыл калитку, привязал её тряпкой, чтобы она не открывалась, и побрёл по тропинке из листьев. Мимо деревянных крестов и поднятых на дыбы камней, мимо железных памятников и мраморных, мимо стариков и молодых, недавних и старых захоронений, трагичных и не очень судеб.

Я разглядывал кроссовки. Влажная трава цеплялась за ноги, брюки промокли от неё до колен. Земля, железо и камни, индустриальный мегаполис для мёртвых. Потусторонний город со своими жилищами, дверями и проблемами. Только стучаться ни к кому не надо, заходи к любому. Все будут рады. Заходи, заходи, заходи, заходи. По-мо-ги-те!..

Я остановился. Прислушался. Колыханье листьев и дробь дождя. Дождь не может просить о помощи. Листья тоже.

– По-мо-ги-те! – тонкий детский голос. – По-мо-ги-те мне!..

Оглянулся вокруг.

– Кто здесь? – просипел я. – Кто здесь? – повторил громче и уверенней.

– По-мо-ги-те!..

– Ты кто?

Чуть ниже груди затрепетала паника. Ноги сами собой ускорили шаг. Но я не могу бежать от человека, который просит о помощи. А если это не человек? Чур меня.

Плюнул через левое плечо три раза и постучал по сосне.

– По-мо-ги-те!..

Я остановился, глубоко вдохнул и, стараясь говорить как можно спокойней, спросил:

– Ты где?

– Здесь, – сдавленный детский шёпот.

Ребёнок, это ребёнок, точно.

– Где здесь? – оглянулся по сторонам.

Долгая пауза. Моросающий дождь, вокруг – деревья, они смотрят на меня, хмурят брови-ветки, обступают со всех сторон, о чём-то шепчутся между собой. Обо мне. Слева, справа, спереди, сзади, на десять шагов вперёд и назад, везде, куда бы я ни обратил взор, – могилы. И голос. Тихий детский голос:

– Под землёй.

Под-зем-лём. Эхо: ой-ой-ой. Из правого уха в левое: ой-ой-ой. Ой – в левое ухо, отскакивает и бьётся о правое.

Как в фильмах ужасов. Под-зем-лём. Под землёй трупы. Они рвут на части живую плоть и глотают её. Они скалят зубы и тянут к тебе скрюченные пальцы.

Но я слышал о том, как люди впадали в летаргический сон, как их хоронили заживо. Когда вскрывали могилу Гоголя, обнаружили, что он лежит лицом вниз. Покойник вряд ли бы перевернулся со спины на живот. Жуткая смерть.

А что, если здесь такой же случай?

– Где ты?

– Здесь, – справа от меня.

Я обернулся. Ограда с зубьями, свежие цветы, венки, холмик земли, памятник, рамка, в ней – детское лицо. Девочка.

– Я здесь.

– Сейчас, сейчас.

Я полез через ограду. Стоп: перелезу, а копать как буду – руками? Два метра вглубь? Смешно. Хотя могила свежая – получится. Но сколько времени займёт? Бог его знает, сколько девочка находится под землёй и сколько она ещё выдержит находиться. Как она не задохнулась, и почему не умерла от шока? Бог ты мой, проснуться в гробу.

– Сейчас, девочка. Потерпи немного, – сказал настолько тихо, что, услышал меня только мой нос.

Срочно лопату. Где видел? Вроде, рядом с мамой. Там сегодня копали могилу и у ямы остались две штыковые и одна совковая лопаты.

Захоронение с голосом сделали только сегодня. Земля не успела осесть и уплотниться, поэтому я могу разрыть её и совковой лопатой. Ей удобней, и она загребает больше земли.

Бросился к могиле мамы. Остановился, оглянулся назад. Нельзя торопиться. Вдруг забуду обратную дорогу?

Быстрым шагом двинулся вперёд, стараясь запомнить свой путь. Надгробия из мрамора и мраморной крошки, железные, пышные и бедные, и деревья: сосны, берёзы, осины. Кривые исполины тянут ветки вверх.

Капли влаги прикасаются к лицу. Где ограда моей мамы? Чёрные и синие ограждения, большие и не очень, двойные захоронения для супругов.

Считаю шаги. Сорок пять, сорок шесть, семь, восемь... Где? Где? Где я видел эти лопаты?

Вот. Могила мамы, рядом двухметровая яма, накрытая жостью, и земляное возвышение с лопатами.

Схватил их. К лопатам прилипли сырые, неприятные на ощупь комья. Мёртвая вода разъедает землю и дерево.

Вода – граница между «тем» и «этим» светом, путь в загробное царство, место обитания душ и нечистой силы. В древности считали, что она держит связь с другим миром, и отправляли по ней еду и предметы покойным.

С представлениями о том, что душа человека после смерти погружается в воду, связана известная у славян система запретов использовать воду, которая была в доме в момент смерти

кого-либо из домочадцев. При агонии умирающего белорусы выносили из дома и выливали всю воду, чтобы душа не задержалась в ней. Болгары называли такую воду «мёртвой», выливали из всех сосудов сразу после выноса покойника, чтобы никто не смог её выпить. Сербы выливали всю воду в том доме, мимо которого прошла похоронная процессия. Человек с ведром воды, встретив похороны на своём пути, выливал всю её на дорогу, чтобы душа покойника не погрузилась в неё.

Мёртвые голоса говорят со мной, и я помню каждое слово из каменных уст. Мёртвым незачем больше лгать. То время, когда ложь имела смысл, позади, а впереди ледяная вечность. Ад – не жаркое пекло, это пробирающий до гнилых костей холод.

Сначала я раскапывал могилу лопатой, погружался всё дальше и дальше, выкидывая землю наружу. Могила была свежей, и копалось легко. Памятник пришлось уронить и убрать в угол ограды. В какой-то момент я понял, что лопатой рыть не получится. Она упёрлась в крышку гроба и с громким стуком елозила по ней.

Отбросив лопату в сторону, стал руками отковыривать чёрную массу и кидать её наружу.

По моей спине хлестал плетью дождь, и холодный ветер пронизывал тело. Стемнело. Руки передо мной стали теньями, гроб тоже вытянулся в длинную тень.

Могильная вода лилась с неба. Кладбище будто погрузилось в океан и жило своей подводной жизнью под тёмной, густой толщей воды.

Мимо меня проплывали мертвецкие города, города-тени с тенями-колоннами, музеями и площадями, церквями и дорогами. Целый подводный мир-тень.

Пальцы карябали землю и распухшее дерево. Я зацепил ногтём камень в коме грязи и под выстрел боли сорвал ноготь. Кровь смешалась с землёй, слёзы хлынули из глаз. Боль сорвалась с цепи, пронеслась галопом от пальца к голове и разбилась вдребезги. Стиснув зубы, я зарычал. Тише, тише. Вдруг кто-нибудь придёт на мой крик? Например, сторож. И отправит меня в милицию, а потом – в психушку.

Кричать нельзя. Освобожу девочку, а потом поставлю всех перед фактом, что спас её от ужасной смерти.

Серёга, мужик с прошлой работы, рассказывал, как его друга по ошибке живого отвезли в морг. У бедняги остановилось сердце, пульс не прощупывался, и врачи решили, что он мёртв.

В морг друга Серёги везли за двести пятьдесят километров от дома. Тогда город только начали строить и своего морга не было.

И вот просыпается «покойник» в темноте, открывает глаза: где я? Снова закрывает, открывает: темно и везде трупы на тележках. Запах разложения лезет в нос, и смерть танцует в карнавальном наряде.

У бедняги нога и отказала. Он до сих пор хромым.

Больше всего я боялся, что разрою могилу и обнаружу девочку мёртвой, а меня застанут при этом. Тогда точно – дурдом.

А девочка была мёртвой с самого начала. Но кто мог знать об этом?

Я выкапывал из могилы мертвеца и не подозревал, что делаю.

– Сейчас, – как заведённый, повторял я. – Только не умирай. Сейчас, маленькая. Подожди немного.

Боль клокотала в голове, пульсировала в висках, растягивала их. Средний палец на правой руке распух и заполнял собой всё узкое пространство могилы. С усилием я оторвал крышку гроба, приколоченную на маленькие гвозди. Лопата валилась из рук, и поддеть ею крышку стоило немалых сил. К тому же, благодаря дождю и мокрой грязи, черенок лопаты скользил и выпрыгивал из пальцев. Ладони горели от заноз, словно я держал раскалённые угли.

Сорвать крышку было вдвойне тяжело из-за того, что я был ограничен в пространстве. Я упёрся спиной в мокрую земляную стену, встал на цыпочки со стороны ног «покойницы», там, где гроб сужается, поддел дерево лопатой, быстро перехватил его и рывком поднял.

Правая рука лопнула от боли. Кровь из пальца полилась мутной струёй. Темнота на две секунды плотно обступила меня и сжала в тисках своих объятий, глаза наполнились влагой, из носа потекло. Хотя девочке было двенадцать лет, она была высокой и гроб тоже не маленький. Пару минут я балансировал с крышкой гроба, изо всех сил пытаюсь устоять. Удержав равновесие, присел, подхватил её пониже и резко подкинул вверх и в сторону.

Крышка подлетела надо мной, зависла в воздухе, загородив и так жидкое облако света, и грохнулась обратно на меня. Я упал прямо на девочкины ноги, послышался хруст костей. Тёмные пятна перед глазами налились чернотой, отпихнули в сторону все остальные предметы и поплыли в моём направлении. Из носа текла кровь.

Я смотрел на доски перед собой и видел одну темноту. Сколоченные в форме лодки доски громоздились надо мной, а я комично сидел вверх коленями, на ногах девочки, которой должен был помочь.

Плохо соображая, что делаю, и не обращая внимания, на что наступаю, медленно, очень медленно я поднялся, одновременно поднимая с собой крышку гроба. Упёрся в неё головой и схватился руками по обеим её бокам. Как в замедленном сне, повернулся и стал аккуратно подтягивать крышку вверх по стене земли. Благо, что земля была мокрой, и доски легко скользили по ней, раз от раза поднимаясь всё выше и выше, сантиметр за сантиметром.

Моё дыхание заполняло собой могильное пространство. Кисти распухли и еле удерживали крышку. Приходилось упираться в неё, чтобы она опять не выскользнула из рук. Правую ладонь я уже воспринимал, как нечто чужое. Ледяная мокрая железка, полная заноз.

Крышка была повернута внутренней стороной ко мне, и я завалился в неё, уткнувшись лицом в доску. Слава богу, она была строганной. Как жаль, что гроб не обшивают тряпкой изнутри. С каждым моим движением «лодка» поднималась выше. Раз – неуклюжие манёвры – два, три...

Я старался удержать её. Аккуратно, словно выполнял самую главную задачу в мире, подтягивал крышку вверх. Она наполовину скрылась в жидком небе. Я отдышался, отклонился назад и что есть силы толкнул «лодку». На этот раз она подлетела над ямой, затмила свет и исчезла за пределами преисподней.

А я рухнул наземь.

Что с девочкой, я не знал и боялся, что моя помощь опоздала.

Я откапывал покойницу и был уверен, что она жива.

Какую злую шутку сыграла со мной смерть.

Глава 4

*Тогда уходит жизнь. И катафалк огромный
Медлительно плывёт в душе моей немой.
И мутная тоска, мой соглядатай тёмный,
Вонзает чёрный стяг в склонённый череп мой.*

Шарль Бодлер

Пришла смерть... Дверь откроешь?
Девочка была мёртвой. С самого начала.

На коленях я подполз к ней, чтобы проверить дыхание. Вглядывался в её лицо, но по очертаниям, размазанным по ночи, определить что-либо было невозможно.

– Ты жива?

Молчание. И дождь. Проклятый вечный дождь. И боль в ладонях. Вместо них у меня огромные распухшие подушки с тысячами игл между гадальных линий. И ночь улыбается с высоты, из прямоугольника света над головой.

– Ты меня слышишь?

Мой вопрос повис в воздухе, отвердел, приняв жуткую, безобразную форму, и семенящими шагами, оглядываясь и приседая при любом шорохе, ко мне стал пробираться ужас. Девочка умерла? Я не успел? Не может быть. Я так старался. Я торопился. Изо всех сил...

Зря, наверное, никого не позвал. Одному человеку нельзя успеть в срок. Я испугался – и вот результат. Ребёнок поплатился за мою ошибку, за мою мнительность, за мою трусость.

Я смотрел на пятно лица и не мог заставить себя пошевелиться. Ужас и понимание своей бесполезности сковали тело, обвязали толстые цепи вокруг моих рук и ног и затянули стальную петлю на шее. Моя голова находилась напротив головы девочки. Я дышал, широко открыв рот. Из рта капала слюна. Да и ладно: всё равно – дождь, влага.

Дожди вызывают висельники или утопленники, хозяева туч, пастухи небесных стад. Сербы для того, чтобы отогнать грозовые тучи, обращались к последнему висельнику или утопленнику, называя его по имени и призывая отвести стада облаков от полей и угодьев.

Спутник самоубийц оплакивал мою медлительность и насмехался надо мной. Капли насмешек колотили по спине.

А если девочка ещё жива?

Надо было поднять руку и прикоснуться к ней, чтобы понять, дышит девочка или нет. Для правой руки это была непосильная задача: она распухла и монотонно пульсировала.

К левой руке привязали огромный свинец. Нет, не привязали – приклеили. Оторвать руку от стенки гроба. Надо. Борясь с притяжением, я потянул ладонь к себе. Плёнка густого воздуха последовала за ней. Я тянул плёнку до тех пор, пока она не коснулась моего лица. Правая рука заняла сильнее прежнего: теперь всё тело держалось на ней. Она задрожала крупной дрожью. Из рта капало.

Я поднёс ладонь ко рту, и она стала мокрой. Слюни расплылись по ней и закапали с краёв.

Шершавый язык боли водил по гадальным линиям. И тысячи игл. И монотонность болезненных волн.

Если нет дыхания, надо оказать первую медицинскую помощь: пятнадцать нажатий на грудину и два вдоха. Сейчас. Подожди, девочка. Я тебя спасу.

У неё, наверное, всё лицо в моих слюнях.

Мой первый опыт в постели был настолько глупым, что час с лишним я облизывал лицо своей подруги. Сначала мы целовались, а потом я нашёл языку и губам другое применение.

Подруга ничего не сказала о моём поведении. А после мы шутили о том, что мне нужен слюнявчик.

Я в страсти облизывал щёки своей подруги в постели, а, стоя на четвереньках в могиле, поливал слюной лицо двенадцатилетней девочки и думал о том, как буду делать искусственное дыхание, если изо рта всё время течёт.

Набрал в грудь воздуха. Успокоиться: глубокий вдох – выдох, вдох – выдох.

Преодолев тошноту, проглотил слюни и наклонился к пятну лица перед собой. Левая ладонь всё это время закрывала мой рот, и вся тяжесть тела приходилась на правую руку. Боль в ладони воткнула штопор в линию жизни и с удовольствием проворачивала его, вгрызаясь в кожу, прорывая её, раздвигая мясо и кроша кости.

Рука успела наполовину согнуться в локте перед тем, как она подкосилась. Что-то лопнуло. Перед глазами полыхнула вспышка – я упал.

Очнулся в полной тьме. Она колола кожу, залезала за шиворот и щекотала спину. Правой руки не было, вместо неё на плече болталась безвольная тряпка. Дул холодный ветер, и тряпка колыхалась под его порывами.

Я лежал на левом боку. Щека изодрана, на ней засохла короста. В носу тоже. Я был вынужден дышать, открыв рот. Ветер покалывал зубы и язык. Снежинки падали из темноты, приземлялись на щёку и нос, залетали в рот, опускались на глаза. Я не видел снежинок до тех пор, пока они не оседали на мне и, попав на кожу, ярко вспыхивали белым светом.

Рядом со мной кто-то лежал. Он гладил мои волосы и шептал слова утешения:

– Беденький, тебе больно, да?

Мне не больно, мне холодно. И слишком темно. Яркие вспышки света от снежинок только слепят. Они вспыхивают и вновь погружают меня в темноту.

Покойница гладила меня по волосам:

– Бедный. Не бойся. Я мёртвая, но... просто... Знал бы ты, как здесь слишком тихо и спокойно.

Я всегда любил тишину и спокойствие.

– Ты не поймёшь. Это не понять, пока сам не почувствуешь.

Детские руки гладили меня по голове, проводили ладонями по щекам, по подбородку. Я не видел девочку, но знал, кто водит льдом по моему лицу, и прикосновения эти были бесконечно приятны.

– Ты не умирай, не торопись, – говорил детский голос. – Успеешь, всегда успеешь. Тебе плохо, я знаю. Поэтому ты пришёл. Поэтому ты меня услышал. Так ведь? Другие ведь не слышали.

Я, наверное, сломал руку.

– У тебя какое-то горе? Люди становятся настоящими, когда у них горе.

Я лежу, словно в одной кровати, в могиле с девочкой.

– Мне было двенадцать лет в той жизни. А сейчас мне вечность. Я вне возраста.

Снежинки опускаются на лицо и вспыхивают. Из тьмы я погружаюсь в ослепительную бездну, и снова во тьму. Я не вижу, с кем разговариваю.

– Меня сбил автобус. Представляешь? Сразу насмерть.

Огромный автобус несётся с бешеной скоростью по дороге. Девочка на пешеходном переходе оборачивается на шум. Визг тормозов, вскинутые вверх руки, ужас во взгляде. БАМ – шипастая клякса в журнале комиксов. Кровь на асфальте, задранное на спине платье, видны голые ноги и белые трусики, голая спина.

Осень. Могила совсем свежая. Девочка не могла так легко быть одета осенью.

Не могла, но в той аварии, которой однажды я стал свидетелем, всё произошло именно так. Только там была не девочка, а красивая девушка, и не автобус её сбил, а на мотоцикле

она разбилась вместе со своим парнем. Они врезались в стену дома. Неслись, как безумные, по улицам города, навстречу машина, парень не справился с управлением – и «Бах!»

На девушке летнее платье. Оно порвалось и задралось до шеи. Лифчика не было, и свидетели аварии пялились на голую спину. Правая рука изогнулась так, что красавицу приподняло от земли и из-под её платья выглядывала грудь. Девушка была великолепна. Смерть обнажила её и поселила похоть в глаза живых мужчин.

Никто не пытался ей помочь. Мотоциклиста увезла «Скорая помощь», а его подруга осталась лежать мёртвой. Чтобы понять это, не требовалось проверять наличие пульса на сонной артерии и делать искусственное дыхание: стена и асфальт вокруг красавицы измарались в крови. И летняя ткань пропитана кровью, и длинные светлые волосы, и лица похотливых мужиков. И солнечный день, и само солнце. Белым пятном в красной луже выделялись тонкие, просвечивающие трусики. Голые босые ноги. Один босоножек лежал рядом с телом, второй, как ни искал, я не обнаружил.

Водитель машины, пытаясь убедить себя, что не виноват, бормотал:

– Как же так? Что же он... Я – из-за поворота, а он – навстречу. Не успел, выкручивать начал...

Он закрыл лицо руками и опустил на корточки возле своей «девятки».

– Что делать? – твердил он сквозь ладони.

Солнце плескалось на месте аварии, и оттого казалось, что авария – шутка. Никто не умер, на асфальте – манекен из магазина, а сломанный мотоцикл здесь случайно: кто-то положил его недалеко от манекена в качестве злой, неуместной шутки. И шутка удалась.

– Я даже не успела испугаться, – сказала девочка.

Старуха с косой проходила мимо, мурлыча под нос. Вдруг происходит авария. Она краем глаза замечает нечёткую линию автобуса, удар, вскинутые руки, вздёрнутый кадык и грязные детские щёки, как будто по ним размазали густые, как шоколад, слёзы. Подходит к кукле на земле, теребит её ногой – та бездвигна – и волочит за собой, покидая место трагедии.

– Побудь со мной ещё немного. Не уходи.

Да я пошевелиться не могу – куда я уйду?

– Поговори со мной.

О чём говорить с трупом?

– Арх, – выдавил я.

Снег всё падал и падал. Я закрыл глаза, но снег проникал через веки.

– Тебе больно, бедняжка?

Да, чёрт возьми, мне очень больно! Я спасал человека, а откопал труп.

– Мёртвые тоже люди.

Да, и я тоже сдохну в этой могиле.

– Нет, ты не умрёшь. Но не оставляй меня так быстро. Ты ведь будешь ко мне приходить?

Ты ведь приходишь к родственникам.

В гости? Здравствуйтесь! Как дела? Может, чаю?

– Ты дурачок, – худая рука гладила мои волосы.

Я некрофил, а к тому же ещё и педофил.

– Не переживай. Всё не так плохо.

Конечно, не так. А гораздо хуже. Если меня найдут здесь, я до скончания веков пробуду за решёткой.

– Я понимаю, что не могу тебя держать. Тебе здесь не место. Но ты ведь ещё побудешь со мной немного?

Я не могу встать. Может, я тоже мёртв?

– Нет, – рука перестала гладить волосы. – Я понимаю, что ты должен идти. Я не дура. Прости меня.

Девочка вздохнула.

– А, впрочем, какое тебе дело?

Короткая пауза и сталь из уст ребёнка:

– Встань! Встань и иди в свой мир!

Вот так просто я должен был встать и пойти. Но как?

– Не могу тебе помочь. Должен сам.

Сам? Я ни черта не вижу.

– Открой глаза.

Как? Свет прожигает мои зрачки.

– Открой, говорю.

Со страхом разжимаю веки. Снега больше нет, но по-прежнему ничего не видно.

– Скоро глаза привыкнут к темноте.

В тишине сквозь меня проползает время. Я вижу лицо трупа рядом с собой. Настолько близко, что могу дотянуться до него языком.

Надо думать, как выбраться отсюда. Яма глубокая. Как из неё выбраться без помощи?

Один из способов подняться из свежерытой могилы, когда работа уже закончена: положить поперёк ямы лопату, поближе к одному из краёв, подпрыгнуть, подтянуться и перекувыркнуться.

Правая рука стала бревном, вся надежда оставалась на левую. Лопата валялась у меня в ногах. Я упёрся локтём в дерево, головой в предплечье и заелозил ногами, пытаюсь встать на колени. Задача оказалась не из лёгких. Из носа вновь потекло, невидимый монстр вцепился в искалеченную руку и дёргал её из стороны в сторону.

Когда я наконец согнул ноги в коленях, передо мной возникла новая задача – встать. Выполнить её оказалось намного легче, и уже через пару минут, наступая на кости покойницы, я ковылял в направлении лопаты. Чтобы поднять её, пришлось вновь встать на колени. Вокруг меня летала карусель. При первой попытке наклониться меня вырвало.

Положил лопату поперёк ямы. Взялся за черенок одной рукой, подпрыгнул – и упал. Подо мной затрещали кости.

Я смотрел на небо в деревьях и думал, что буду лежать здесь вечно. Хорошо хоть лопата не сломалась при падении: вовремя разжал пальцы.

Выбраться удалось с пятой попытки. Проковылял через лес и бесконечно брёл по пустой дороге в город. За время моего пути всего две машины пронесли мимо, выхватили из темноты клочок света и исчезли.

Домой попал утром. Люди на остановках ждали рабочие автобусы. Одни открыто разглядывали на меня, другие поглядывали исподтишка. Какое-никакое развлечение. Будет о чём поговорить за утренним чаем.

Ввалился в дом, упал на пол, забылся сном. На работу, естественно, не пошёл. На следующий день отправился в больницу. Оказалось, что рука у меня хотя и не сломана, но серьёзно растянута в плече и локте. Я сказал, что меня сбила машина, когда возвращался с дачи. Подробности врачи узнавать не стали. Посочувствовали и посетовали на дураков-водителей.

Потом – больничный отпуск. Весь месяц не знал, куда себя деть, ходил по дому как неприкаянный, читал скучные книги. Мысли о том, что я надругался над могилой, отгонял подальше.

От скуки завёл котёнка, неделей позже подобрал на улице бездомную собаку. Она увязалась за мной и бежала до самого дома. Решил оставить её у себя. Сколотил будку, утеплил. На город наступала зима.

Воздух по утрам скалил зубы, заглядывал в лица прохожих. Деревья умирали, покрываясь инеем, и поджимали ветки, как воробьи поджимают лапы.

Глядя на них в окно, я думал о том, что мне всегда нравилось находиться в квартире одному. Я мог вечно читать книги и пить чай на кухне, пока никто не мешает. Но тогда я знал,

что рано или поздно кто-нибудь придёт: мама, папа или кто-то ещё. И с их появлением на душе становилось тепло. А теперь я смотрел на улицу, по которой то и дело проезжали машины, и знал, что ко мне никто не придёт.

Несколько раз я делал вылазки в город, чтобы позвонить друзьям с таксофона. Мог бы позвонить и от соседей, но не хотел надоедать им. Друзья были постоянно или заняты, или их не было дома.

Детьми мы играли каждый день в футбол, в хоккей (прямо на дороге возле дома; зимой асфальт покрывался толстым слоем стоптанного снега, и по нему можно было скользить, если разбежаться), в прятки, в догоняшки, в сифу. Пекли картошку в углях от костра в нашем дворе (напротив моего дома находился школьный стадион, а рядом с ним – жидкий сосновый лес, и в нём мы разводили костры).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.